

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

# ЛИТЕРАТУРНАЯ Орган правления Союза советских писателей СССР ГАЗЕТА

№ 84 (3268)

Четверг, 15 июля 1954 г.

Цена 40 коп.

# ВЫСОКИЙ ОБРАЗЕЦ

Полсотни лет тому назад учился я в сельской церковно-приходской школе. Словесностью нас не перегружали, все больше заседали на чтение молитв и катехизиса. За три или четыре года пребывания в школе я выучил несколько стихотворений Пушкина и Лермонтова; остальная художественная литература была такого рода, что когда теперь она вдруг всплывает в моей памяти, я шарахаюсь и шепчу: «Что за дьявольское наваждение!»

Из этого можно понять, что школа не привила мне вкуса к хорошей поэзии и прозе, и я самым естественным порядком перешел к чтению уголовно-приключенческих романов, которые в изобилии тогда «прилагались» к журналам «Родина», «Вокруг света», «Природа и люди».

Лет тринадцати-четырнадцати прочел я впервые «Степь», прочел и долго сидел ошеломленный, испуганный. Мне казалось чрезвычайно странным, что это происшествие напечатано в книге. Книгу я привык уже считать чем-то зачатным, вроде игры в лапту или бабки, и никак не ожидал, что она способна показать мне настоящую жизнь. Я жил тогда в городе Павлодаре, на краю обширной степи, и колесил по ней так же, как герои «Степи», и так же жег костры и ловил бреднем рыбу в озерах и речках, и так же заставляла меня гроза... правда, люди в моей степи были похуже, но ведь люди бывают разные, может, и я встречу людей получше!

Удивительным казалось и то, что «Степь» напечатана, а похожа на сказку. Дело в том, что сказки, слышанные мною лет семь-восемь назад в деревне, казались мне тогда полнейшей правдой, я верил в них целиком и безраздельно и очень бы удивился, если б увидел их в книгах напечатанными. Вот такой же правдой казалась мне «Степь». Словом, запутался я в своих чувствах... да и как же иначе, если встречаешься впервые с подлинным искусством?

Затем, лет через восемь или около того, решил я стать писателем. Литературных знаний я, в сущности говоря, не имел никаких. С большим трудом достал я «Учебник словесности», прочел о периодах, метафорах, анапестах, хорях — и ничего не понял. Прочел еще раз, прочел и в третий, — понял еще меньше. «Ну, думаю, видно учебник плох». Добыл другой, потолще первого. Прочел его раз, два, три. Примеры перечитал раз по пять. Примеры замечательные, красивые, — но как их приложить к моему случаю, совершенно непонятно!

Я тогда работал наборщиком в типографии. Работа интересная, но, к сожалению, городская и не дает возможности попасть в деревню и пожить там. Я и вздумал научиться сапожному ремеслу, чтобы бродить, сапожничая, по деревням. Знакомый сапожник обещал меня научить. Дал дратву, шило, нитки, вар, показал, как вести шов; а затем сказал:

— Теперь бери кожу и шей шлепанцы. Но ранее всего поставь перед собой готовые шлепанцы и следи по ним, как хороший сапожник шов ведет. Ты за его швом и иди.

Отложил я в сторону «Учебник словесности», положил перед собой Чехова и стал думать. Затем начал читать, медленно, не торопясь, «идя по шву».

Здесь выяснилось любопытное обстоятельство. В типографии, кроме ведомостей, афиш, визитных карточек, мне приходилось делать и так называемый книжный набор: я набирал различные отчеты, какие-то местные журнальщики, словом, чепуху страшную. Внимательно читать это было очень противно, и я приучил себя набирать, не думая о смысле того, что я набираю. Кладу в верстатку букву за буквой, выставляю, связываю набор, тискаю,

а сам думаю о своем или читаю про себя какие-нибудь хорошие стихи.

И вот, когда я стал читать то, что мне нужно и важно, — Чехова, — то оказалось, что я прочту полстраницы, а остальное читаю совершенно машинально, не думая ни о содержании, ни о том, каким способом написана книга, как созданы детали книги.

Я испугался, а затем, подумавши, достал бумагу и чернила и стал переписывать Чехова, слово за словом, фразу за фразой. Какое это было великое наслаждение! И какие гигантские богатства ума и чувств открыл я! Удивительное дело: я знал, о чем рассказывается, скажем, в «Степи», но когда я ее переписывал, я забывал о том, что в повести рассказывается, и видел все так, как будто я читаю повесть впервые.

И теперь, когда мне не работается, или что-то огорчит, или просто грустно, — я раскрываю том Чехова и начинаю его переписывать. Много рассказов и повестей его переписал я, и каждый раз, когда я его переписываю, он мне всегда кажется новым. Я отмечаю переписанные страницы черточкой, вроде птицы. Раскроешь книгу, начинаешь переписывать, видишь птичку-черточку и поражаешься: неужели я это когда-то переписывал?

Первая моя повесть из времен гражданской войны «Партизаны» написана под сильнейшим влиянием Чехова. Помимо высоких гражданских чувств и желания рассказать о виденном мне просто-напросто хотелось написать очень хорошую вещь! «Ведь, черт возьми, не зря же я в Петроград приехал. Нужно, чтоб люди удивлялись на нас, и нужно, чтоб мы сами удивлялись на себя». Так размышляя, я перечитывал Чехова, переписывал его, и когда показалось, что меня воодушевил этот очень хороший человек, я сел писать. Время от времени на меня нападало уныние: события огромные, людей много, запутаюсь ли я из этого хаоса? И тут я снова брал Чехова, — и этот добрый человек снова воодушевлял меня!

Человеческое тщеславие петляет самым поразительным образом. Когда я нес рукопись «Партизан» Горькому и мне казалось, что он скажет: «Плохо, слабо, надо еще работать», я намеревался сказать ему, что я усерднейше подражал в ней Чехову, есть в ней даже фразы — точный слепок чеховских... Но когда Горькому повесть понравилась и он нашел ее «довольно оригинальной, не подражательной, а подражательность для молодого писателя почти неизбежна», я со страхом стал думать: «А вдруг да он найдет следы чеховского влияния?». Видите, я начал бояться даже «следов»!

Много раз поражал меня Чехов, но однажды поразили совершенно неожиданно. Я читал одну его книгу, а когда окончил, то понял, что прочел великолепный роман, увидел огромные картины из жизни нашего общества конца XIX и начала XX века.

Это — его письма.

Право, после писем Пушкина русская литература, а может быть, и мировая, не знает ничего подобного по красоте, жизнерадостности, изяществу и необыкновенной душевной чистоте Чехова — главного героя этого романа, романа, о котором автор, конечно, не думал, что он будет напечатан!

Какие там размышления, пейзажи, какие характеристики людей, городов, целых стран! Смеешься, плачешь, гордишься, восхищаешься и думаешь: «Сколько же было у этого человека таланта, любви к людям — и сколько щедрости!».

И еще думаешь:

— Как прекрасна, щедра и смела страна наша, как прекрасны ее сыны и дочери, ее искусство, ее жизнь вообще, и как хорошо, что живешь и трудишься в стране, родившей и создавшей Чехова!

Всеволод ИВАНОВ